

УДК 821.161.1
doi 10.17072/2073-6681-2024-3-35-49
<https://elibrary.ru/ymejxm>

EDN YMEJXM

Функции лексем тематической группы «вода» в лирике Мандельштама

Духнова Мария Александровна

старший преподаватель кафедры теоретического и прикладного языкознания

Пермский государственный национальный исследовательский университет

614068, Россия, г. Пермь, ул. Букирева, 15. mariyafei@gmail.com

SPIN-код: 7470-3463

ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-6788-1832>

ResearcherID: JFB-5374-2023

Ерофеева Елена Валентиновна

д. филол. н., зав. кафедрой теоретического и прикладного языкознания

Пермский государственный национальный исследовательский университет

614068, Россия, г. Пермь, ул. Букирева, 15. elenerofee@gmail.com

SPIN-код: 4653-7454

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-6659-6519>

ResearcherID: Q-3940-2017

Статья поступила в редакцию 13.02.2024

Одобрена после рецензирования 03.04.2024

Принята к публикации 15.05.2024

Информация для цитирования

Духнова М. А., Ерофеева Е. В. Функции лексем тематической группы «вода» в лирике Мандельштама // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. 2024. Т. 16, вып. 3. С. 35–49. doi 10.17072/2073-6681-2024-3-35-49

Аннотация. Исследование посвящено определению функций лексических единиц, принадлежащих тематической группе «вода», в лирике Осипа Мандельштама. Образы воды и их восприятие носителями языка и культуры занимают важное место в картине мира человека, а их исследование в художественных произведениях помогает расширить и углубить понимание авторской картины мира. В ходе работы анализируются существительные, связанные с тематикой воды, в текстах Мандельштама. Материалом для исследования послужили 120 стихотворений разных периодов творчества поэта, из которых путем сплошной выборки были отобраны 318 контекстов, содержащих лексику, называющую воду, ее свойства и формы и т. д., а также объекты, ассоциативно связанные с водой, такие как корабли, сосуды, морские животные. В процессе исследования были определены тематические подгруппы такой лексики у Мандельштама и проанализированы функции, характерные для лексических единиц указанных подгрупп. Функции лексических единиц в данном случае понимаются как непрямые значения, которые выражены в тексте ассоциативно и помогают раскрыть многослойность и глубинный смысл авторского образа. В ходе работы определены лексические подгруппы двух уровней иерархии, показано, что функции лексических единиц проявляются и конкретизируются именно на втором, нижнем, уровне. Наиболее активны в лирике Мандельштама лексемы таких тематических подгрупп, как «океаны/морья», «корабли», «форма», «физиологические жидкости». Наиболее часто реализуемые функции лексики тематической группы «вода» – выражение ощущений лирического героя, отсылка к нестабильности мира и осмысление воды как стихии, как первородного хаоса.

са. Эти функции реализуются с помощью лексики разных тематических подгрупп, но объединяет их подгруппа «форма», являющаяся важной для Мандельштама и показывающая противопоставление порядка и хаоса. Лексика каждой тематической подгруппы обычно выполняет сразу несколько функций, и в то же время каждая функция может быть выражена лексикой нескольких подгрупп. Таким образом формируется сеть взаимосвязей тематических подгрупп и функций их лексических единиц, которая характеризует единую систему образов, относящихся к лексике тематической группы «вода».

Ключевые слова: поэтический текст; Мандельштам; лексика; тематическая группа «вода»; тематические подгруппы; функции.

Введение

Образ воды и связанные с ним символы являются важными для понимания картины мира носителей языка в силу того, что вода, ее наличие, свойства, качество являются важнейшими факторами существования. Мифологичность образа воды как одно из ключевых свойств этого понятия в системе мировоззрения человека отмечали многие исследователи: М. Евзлин подчеркивает, что вода означает первобытный хаос, бездну [Евзлин 1993: 96]; М. М. Маковский, исследуя мифологическую символику в индоевропейских языках, указывает, что «вода считалась первоэлементом Вселенной и потому была священной» [Маковский 1996: 76]; М. Витцель отмечает, что в мифах многих народов водное пространство часто рассматривается как исток мироздания [Witzel 2015]; Г. Д. Гачев, описывая национальные образы мира, упоминает, что поэтические образы в художественном произведении можно соотнести с основными стихиями, ведь «языки обиходный и поэтический непрерывно производят зацепление духа баграми метафор и вся художественная образность мира распределима в семейства по гнездам четырех стихий» [Гачев 1988: 355]; М. Элиаде указывает на порождающее начало стихии воды, поскольку «вода есть первоисточник всего сущего, в котором заключены все возможности и прорастают все зачатки» [Элиаде 1999: 186] и т. п.

Естественно, изучение такого значимого для культуры понятия привлекает и лингвистов. Так, рассматривается репрезентация концепта ВОДА во фразеологической картине мира [Айчичек 2012]; анализируются концепты первостихий «как нравственно-этических категорий, характеризующих ценностную картину мира» [Фролова 2012: 5]; проводится комплексное описание концепта ВОДА в произведениях таких авторов, как В. Астафьев и В. Тендряков [Меженская 2010] и т. п. Стихия воды привлекает лингвистов как объект исследования, поскольку это «один из важных фрагментов национальной картины мира, отражающий ментальные представления носителей языка на парадигматическом и синтагматическом уровнях» [там же: 5].

Анализируя системную организацию метафорического поля ВОДА в русском языке,

Г. Н. Складаревская отмечает, что все семантические группы, в которые входят обозначения природных и физических явлений и разного рода «стихий», обладают высокой степенью метафорической активности [Складаревская 1993: 131]. В данном поле она выделяет следующие тематические группы: 1) водоемы и их части (болото, море, озеро, океан, русло и т. д.); 2) формы существования воды, определяемые характером и способом ее движения (капля, волна, всплеск, прилив, струя и т. д.); 3) характер и особенности движения воды (брызнуть, бурлить, литься, протекать, сочиться и т. д.); 4) свойства воды (ледяной, мутный, кипящий, пресный и т. д.); 5) характерные действия, связанные с водой, производимые в воде (вынырнуть, плыть, купаться, лить и т. д.); 6) характерные состояния воды, действия, связанные с ними (кипяток, леденеть, испаряться, примерзать и т. д.); 7) свойства, обусловленные наличием/отсутствием, количеством, воздействием воды (влажный, мелкий, густой, жидкий и т. д.) [там же: 120–126]. Исследования полевой структуры концепта ВОДА показали аналогичную структуру организации ядра и ближней периферии семантического поля данного концепта, однако состав дальней периферии уточняется и в него вводятся такие группы, как «сосуды и предметы, служащие для хранения и транспортировки воды», а также «профессиональная деятельность, связанная с водой, водоемами» и некоторые другие, обозначающие ситуации, так или иначе связанные с водой [Галдин 2006: 11–12].

Западные исследователи также обращаются к символизму лексем, связанных с водной тематикой, в человеческом мировоззрении вообще [Mittlefehldt 2003] и в литературе и культуре разных народов. Лингвисты отмечают метафоричность лексических единиц, связанных с водой, в произведениях разных стран [Fenno 2005; Dhont 2021], в том числе социальную и культурную значимость таких образов для русского человека [Ziolkowski 2020].

Анализ репрезентации образов, связанных с водной тематикой, помогает углубить понимание авторской картины мира, расширить представление о метафорической системе автора. Метафорические номинации с исходной семантикой воды/жидкости могут использоваться для характе-

ристики целого ряда явлений действительности: эмоциональной сферы, вербальной деятельности, чувственного восприятия, жизни, времени и т. д. [Антонова 2012: 7], вследствие чего исследование лексем, связанных с водной стихией, а также их функций в художественном творчестве представляется важной задачей.

Материал и методы исследования

Предметом данного исследования послужили функции лексических единиц тематической группы «вода» в лирике Мандельштама, поэзия которого отличается глубокой и емкой системой образов. В поэзии Мандельштама каждое слово не случайно, все одухотворено – и предметный мир, и явления природы, всё обретает целостность, предметность. Сам Мандельштам в своей статье о природе слова писал, что «русский язык стал... звучащей и говорящей плотью» [Мандельштам 1993: 220]. Поэт с особым трепетом относился к русскому языку, подчеркивая ценность и значимость языка в целом и слова в частности. В. Террас называет Мандельштама ярким сторонником поэтического логоса, а его стихи – «полифоническими словесными композициями с многомерным выразительным эффектом» [Terras 1966: 253], отмечая, что они производят на читателя эффект не только ритмический, но и эмоциональный, интеллектуальный, вызывая в читателе стремление раскрыть смыслы, скрывающиеся в лирике поэта.

Образы природных явлений, символы стихий в стихах Мандельштама разнообразны и глубоки, поэтому исследователи творчества поэта большое внимание уделяют метафорическим образам, связанным со стихиями. Так, Т. Ю. Никитина, исследуя мифопоэтику О. Мандельштама, указывает, что водная стихия занимает первое по значимости место среди мандельштамовских мифологем [Никитина 2000]. Другими учеными также отмечается важность и обширность образов воды в лирике Мандельштама, «семантическое ветвление» образов, входящих в водную парадигму [Кихней, Меркель 2013].

Цель настоящего исследования заключается в определении функций лексических единиц водной семантики в лирике Мандельштама.

Материалом для изучения стало полное собрание стихотворений О. Мандельштама [Мандельштам 1995] (далее все цитаты приводятся по этому изданию). Были отобраны 120 стихотворений разных периодов творчества поэта, содержащих в себе как прямые названия воды и водных объектов (например, водоемов и их частей), так и наименования объектов, связанных с водой непосредственно (например, названия сосудов, водного транспорта, морских животных). Вы-

бранные стихотворения охватывают весь период творчества О. Мандельштама, который принято делить на три этапа: период раннего творчества, подразумевающий поэзию 1908–1915 гг. (40 текстов); период сборника стихов “Tristia”, вместе со стихами 1921–1925 гг. (40 текстов); а также период позднего творчества, то есть стихи 1930-х гг. (40 текстов). Следует отметить, что этапы творчества Мандельштама, как и у каждого автора, взаимосвязаны, однако «в них по-разному предстает напряженная ассоциативность, неотъемлемо ему свойственная» [Гинзбург 1974: 358]. В данных текстах было обнаружено 318 контекстов, содержащих искомую лексику.

В отобранных контекстах анализировались тематические подгруппы лексических единиц водной семантики, их содержание и объем, а также функции этих единиц в тексте. Традиционно функции лексических единиц рассматриваются с точки зрения языка и сопоставляются с функциями единиц других языковых уровней (см., например: [Морковкин 2007: 43–51]), однако с точки зрения текста, особенно художественного, функции лексических единиц следует понимать, скорее, в рамках противопоставления «значение – смысл» как глубинный смысловой подуровень, содержание, которое хочет выразить автор [Mel'čuk, Milićević 2020]. Художественный текст в целом и поэтический текст в частности – феномен многоаспектный, отражающий многие области человеческой жизни, поэтому одной из основных его функций является функция смыслообразующая – порождение через используемые лексические единицы новых смыслов [Сергодеев 2020]. Подобное понимание функции слова в поэтическом тексте находим и у других исследователей. Так, например, А. Н. Кожин отмечает, что слова благодаря своей функционально-эстетической обусловленности «обрастают в художественном тексте осмыслениями, образной мерцаемостью» [Кожин 1985: 25]. Таким образом, в данной работе функции понимаются как те значения, которые непрямо, ассоциативно выражены в лексеме, то есть те компоненты глубинного смысла, которые используются автором для создания художественного образа.

Подобное исследование на материале лирики Мандельштама в лингвистическом, а не литературоведческом аспекте проводится впервые. С теоретической точки зрения важно проследить процессы перехода значений в смыслы именно в поэтическом тексте, поскольку там закладывается спектр возможных расщеплений значения, обозначается его потенциал, который, возможно, будет реализован в дальнейшем в стандартном языке, станет основой для производства новых значений слов.

Описание подгрупп лексики тематической группы «вода»

В ходе работы над материалом был проведен анализ полученных лексических единиц с точки зрения их принадлежности к той или иной тематической подгруппе, что позволило выделить основные тематические подгруппы лексики, связан-

ной с образами воды у Мандельштама, и определить их иерархию в зависимости от объема (объем подгрупп лексических единиц лексики см. в табл. 1). Отметим, что выделялись подгруппы разных уровней иерархии: подгруппы первого уровня иерархии (подгруппа-1) делились на более мелкие подгруппы второго уровня (подгруппа-2).

Таблица 1 / Table 1

Объем подгрупп лексики тематической группы «вода» в лирике Мандельштама, абс. The volume of lexical subgroups in the thematic group 'water' of Mandelstam's lyrics, abs.

Тематические подгруппа-1	Тематические подгруппа-2	Объем	
Состояние воды	форма	33	107
	физиологические жидкости	33	
	твердое состояние	20	
	парообразное состояние	16	
	влажные осадки	5	
Водоемы	океаны/моря	48	90
	реки	26	
	глубина	12	
	озера/пруды	4	
Объекты	корабли	38	77
	животные	21	
	сосуды	18	
Вода			44

Кроме этого, отдельно была выделена тематическая подгруппа-1 «вода» (44 ед.), содержащая лексему «вода» и однокоренные к ней слова (*вода, воды, водою* и др.).

Обратим внимание, что наиболее частотные тематические подгруппы-2 – «океаны/моря», «корабли», «форма», «физиологические жидкости» – распределяются по всем трем выделенным тематическим подгруппам-1. Этот факт и то, что объемы подгрупп-1 различаются не слишком сильно, говорит, во-первых, о том, что все тематические подгруппы-1 лексики тематической группы «вода» важны для Мандельштама, а во-вторых, о том, что тематическая структура в данном случае должна рассматриваться на уровне подгрупп-2.

Функции лексических единиц разных тематических подгрупп-2

Поскольку структура тематических подгрупп-2 оказывается более важной для лирики Мандельштама, чем структура крупных тематических подгрупп-1, рассмотрим функции, выполняемые лексикой тематической группы «вода» в тексте именно исходя из объединения ее в подгруппы-2 (далее – просто подгруппы, если не требуется уточнить уровень иерархии). Подгруппа-1 «вода», не имеющая членения на подгруппы второго уровня, будет рассмотрена отдельно, после всех остальных.

Океаны/моря

Самой крупной тематической подгруппой оказалась подгруппа «океаны/моря». Центральную позицию в ней занимает слово *море* и его варианты. Морская тематика настолько частотна в лирике Мандельштама, что «данный образ имеет по-видимому... широкое значение: и конкретное, и метафорическое» [Нильссон 1995: 72].

Упоминание моря в тексте может быть просто названием географического объекта: *я убежал к nereидам на Черное море* (С миром державным я был лишь ребячески связан...). Надежда Мандельштам отмечала, что супруг ее «всегда – всю свою жизнь – стремился на юг, на берега Черного моря, в средиземноморский бассейн» [Мандельштам 1982: 524], потому, с одной стороны, вполне естественным кажется обращение в творчестве к полюбившимся местам. С другой стороны, во многих стихотворениях морская стихия вовсе не является отсылкой к конкретному географическому объекту, например, Н. А. Нильссон полагает, что море в лирике поэта мы можем понимать и как «символ настоящего, охватывающего жизнь поэта, его чувства» [Нильссон 1995: 74].

Нередко в текстах Мандельштама чувствуется тоска по морю. Море становится частью человека, его составляющей, наполняет его. И в его отсутствии человек ощущает опустошенность, лишается части себя самого. Особо это чувствуется

в поздних стихах: в этот период Мандельштам оказывается оторван от моря и сослан в Воронеж, «вполне естественно, что тогда в его стихах появляется тема отнятого моря и проходит почти от самого начала до самого конца “Воронежских тетрадей”» [Павлов 1995: 176].

К этой же тематической подгруппе относятся контексты, содержащие лексему «океан». Если образ моря напрямую ассоциируется с состоянием лирического героя, а также раскрывает облик и характер места, в котором происходят события стиха, то образ океана нередко является отсылкой к безграничному пространству, становится символом свободы: *Мальчишка-океан встает из речки пресной / И чашками воды швыряет в облака* (Я видел озеро, стоявшее отвесно).

В процессе анализа подгруппы «океаны/моря» было выявлено, что лексические единицы данной подгруппы в лирике Мандельштама могут выполнять следующие функции.

1. Первородная стихия, необъятная и всеобъемлющая: *и шире океан, когда уснул* (Над алтарем дымящихся зыбей); *и горячей рыбой мечет / В берег теплый хряц морей* (Век мой, зверь мой). Эти и подобные контексты отсылают нас к образу моря как стихии. У Мандельштама эта стихия олицетворяется, при этом она предстает как мощная действующая сила, имеющая собственное сознание, но безразличная к человеку.

2. Отсылка к теме античности: *и море, и Гомер – всё движется любовью* (Бессоница. Гомер. Тугие паруса...); *и, покинув корабль, натрудивший в морях полотно, / Одиссей возвратился, пространством и временем полный* (Золотистого меда струя). Разумеется, кроме отсылки к античности как истоку культуры, данная лексика может выполнять и другие функции. Так, в первом примере море олицетворяет первородную стихию, а во втором – всю жизнь, дающую человеку не только усталость тела и духа, но и – одновременно – опыт и знания. Таким образом, «античное» море у Мандельштама связывается одновременно с сотворением мира и жизни и само выступает как творец человека.

3. Часть души человека, определяющая его связь со стихией, мирозданием: *на вершок бы мне синего моря, на игольное только ушко* (День стоял о пяти головах); *Лишив меня морей, разбега и разлета / И дав стопе упор насильственной земли, / Чего добились вы?..* (Лишив меня морей, разбега и разлета...); *и когда я наполнился морем* (Флейты греческой тэта и йота). Как видим, данные примеры продолжают тему творения человека – его души – морем, которое «входит» в человека, становится частью его души, позволяющей ему быть свободным и самому стать творцом.

4. Состояние мира, неустойчивое и зыбкое: *Земля плывет. Мужайтесь, мужи, / Как плугом, океан деля*. В приведенном контексте земля теряет свою сущность тверди, расплавляется, развеществляется, становится жидкой субстанцией [Кихней, Меркель 2013: 147] – океаном. Море – необузданная и неподвластная стихия, существующая отдельно и независимо от человека; его состояние отражает и характер действительности: *тучное море кругом закипает в ключ* (С розовой пеной усталости у мягких губ); *глухое море, как вино, кипит* (Над алтарем дымящихся зыбей).

Корабли

Следующей по частотности подгруппой в анализируемой выборке является подгруппа «корабли», так как образы, связанные с водой, зачастую передаются через образ водного судна (названия водного транспорта, а также частей корабля). Лексические единицы подгруппы «корабли» в текстах Мандельштама являются отсылкой к образу моря, однако образ этот многогранен и может быть истолкован в разных текстах по-разному.

1. Корабль может олицетворять лирического героя, однако часто не человек управляет кораблем, а корабль подчиняется водной стихии, она ведет его: *И волной нахлынувшей святыни / Поднят был корабль безумный мой* (В изголовьи Черное Распятые...) – не лирический герой подчиняет себе стихию и волен выбирать путь, а стихия подчиняет себе корабль, то есть героя.

2. Корабль у Мандельштама так же, как и море, может являться отсылкой к теме античности, прежде всего к текстам Гомера. Так, например, строки *и, покинув корабль, натрудивший в морях полотно, / Одиссей возвратился, пространством и временем полный* (Золотистого меда струя) отсылают читателя к «Одиссее». К. Мочульский, который преподавал Мандельштаму греческий язык, припоминал, что поэту не давалась грамматика греческого языка, однако про приведенные выше строки он говорил: «в этих двух строках больше “эллинизма”, чем во всей “античной” поэзии многоученого Вячеслава Иванова» [Мочульский 1995: 8]. В некоторых случаях упоминание кораблей является прямой отсылкой к Гомеру: *Бессоница. Гомер. Тугие паруса. / Я сплюсок кораблей прочел до середины* (Бессоница. Гомер. Тугие паруса...). В поэмах Гомера Мандельштама привлекает переосмысление истории, основанной на сказаниях о подвигах древнегреческих героев во имя любви: *И море, и Гомер – все движется любовью*. И море, и корабль олицетворяют мир, античность же в этом случае воспринимается как исток этого мира.

3. Метафорический образ времени, передающийся через облик тонущего корабля. Стоит отметить, что в творчестве второго периода поэта корабль, влекомый стихией, создает ощущение грядущего бедствия. Так, например, в стихотворении «Сумерки свободы», названном С. С. Аверинцевым самым значительным откликом поэта на революцию [Аверинцев 2011: 83], разгул стихии становится выражением исторической эпохи, а «семантика воды обретает мифопоэтические обертоны, восходя к своему мифологическому прототипу – библейскому всемирному потопу» [там же: 150]: *в ком сердце есть, тот должен слышать, время, / Как твой корабль ко дну идет* (Сумерки свободы). О. Ронен также отмечал аллегоричность этого стихотворения, особенно выделяя символический образ корабля в различных его аспектах, а именно «корабль-море», «корабль-время», «корабль-государство» и подтекстовое «корабль-церковь» [Ронен 2002: 133].

Так *корабль*, с одной стороны, становится частью морской стихии, с другой стороны – репрезентирует лирического героя, вынужденного покориться внешнему миру, а кроме того, передает идею связи человека и воды-стихии.

Форма

В подгруппе «форма» особой частотностью отличается лексема «пена». Как считал Р. Пшыбыльский, пена у Мандельштама символизирует первобытный хаос. Апеллируя к стихотворению “Silentium”, ученый отмечал, что «из пены родилась Афродита, значит, пена – это мир в мифотворческие времена» [Пшыбыльский 1995: 41]. Пена в таком ключе соответствует ассоциациям вода-хаос и вода-прародительница. В некоторых контекстах конкретизируются характеристики пены (цвет, вкус): *и пены бледная сирень* (Silentium); *Ну а мне – соленой пеной / По губам* (Я скажу тебе с последней прямокой...). Пена в море или океане образуется лишь на поверхности, к тому же это явление краткосрочное, пена образуется и исчезает, потому как это крайне неустойчивое состояние вещества. Таким образом, пена является отсылкой к образу вода-хаос, с одной стороны, а с другой – отражает состояние мира, нестабильность пены отсылает к зыбкости и непостоянству внешнего мира.

Помимо использования лексемы «пена» часто встречается в лирике Мандельштама лексема «волна». Кроме прямой ассоциации волны с морем или океаном, волна также подразумевает движение, колебание. При этом волна, с одной стороны, это мелкая зыбь, навевающая умиротворение и спокойствие, с другой – волна может быть огромной, стремительной, сокрушающей. Через лексему «волна» выражается как состояние мира, так и состояние лирического героя.

Отметим, что на разных этапах творчества поэта образ волны трансформируется. Так, в стихах дореволюционного периода волна – часть водной стихии, часть водоема, через образ которой можно прочувствовать состояние окружающей героя действительности: *Но, как медуза, невская волна / Мне отвращенье легкое внушает* (Мне холодно...); *И лодка, волнами шуриша, / Как листьями, – уже далеко* (Как тень внезапных облаков...). В более поздних стихотворениях образ волны становится более масштабным: *бежит волна-волной, волне хребет ломая* (Бежит волна-волной...); *Это век волну колышет / Человеческой тоской* (Век). В этих контекстах волна ассоциируется со временем, эпохой изменений, которые наступают, накрывают, захватывают человека.

Таким образом, выделяются несколько основных функций лексических единиц подгруппы «форма». Как видно из вышеприведенных примеров, зачастую такие лексемы являются отсылкой к водной стихии как части первозданного хаоса. В то же время лексические единицы этой подгруппы иллюстрируют зыбкое и нестабильное состояние мира. Кроме того, лексема «волна» в этой подгруппе является отсылкой к стремительному бегу времени, также характеризуя историческую эпоху и мировые события.

Физиологические жидкости

Не менее частотна тематическая подгруппа «физиологические жидкости». В данном случае жидкость – это часть человека, однако основной функцией компонентов этой подгруппы является отражение не столько состояния человека, сколько состояния мира. Так, например, в стихотворении «За то, что я руки твои не сумел удерживать», которое является отсылкой к падению Трои, а также «развернутой метафорой и кинестетической сущностью проделываемых греками и троянцами действий» [Жучкова 2015: 33], через лексему «слезы» создается ощущение грядущей беды, приближающегося поражения: *прозрачной слезой на стенах проступила смола*. В контекстах лексемы этой подгруппы *кровь* выступает символом жизненной силы: *кипела кино-варь здоровья, кровь и пот* (10 января 1934) или становится метафорой связи, родства: *И своею кровью склеит / Двух столетий позвонки? / Кровь-строительница хлещет / Горлом из земных вещей* (Век); *но хлынула к лестницам кровь и на приступ пошла* (За то, что я руки твои не сумел удерживать...). В этих контекстах лексема «кровь» является отсылкой к кровным отношениям между людьми, отображает связь между поколениями. Лексические единицы данной подгруппы указывают на человека, потому как являются его частью, к тому же через них переда-

ется мироощущение, состояние окружающего пространства, *слезы* становятся отражением исторических событий, а *кровь*, то есть человек, – свидетелем этой эпохи.

Реки

В подгруппе «реки» особо частотным является упоминание Невы. Петербург, к образу которого неоднократно обращается в своих произведениях Манделштам, становится «предметом эстетического осмысления» [Кихней, Бараханова 2022: 73], а образ Невы – одним из его главных символов: *над черною Невой* (Соломинка); *как будто в комнате тяжелая Нева* (Соломинка); *прозрачная весна над черною Невой* (На страшной высоте блуждающий огонь!..); *и над лимонною Невой* (С миром державным я был лишь ребячески связан...). Как видно, в перечисленных контекстах образ Невы дополняется различными эпитетами, характеризующими воду как непрозрачную, неподвижную, застоявшуюся. Петербург у Манделштама зачастую – город иллюзий, где туман, река, набережная являются лишь элементами городского декора [Leiter 1978: 479]. Подобным же образом характеризуется вода в другой реке большого столичного северного города – Темзе: *и Темзы желтая вода* (Домби и сын). Иначе изображаются реки в пространстве природного пейзажа: *уведи меня в ночь, где течет Енисей* (За гремучую доблесть грядущих веков); *полноводная Кама неслась на бугек* (Как на Каме-реке). Таким образом, вода в городской реке создает образ застывшего пространства, застоя, тогда как основная функция этих же лексем при изображении реки вне города – иллюстрация движения, в том числе и движения, хода времени: *когда взрвели реки времен обманных и глухих* (1 января 1924).

Животные и сосуды

Подгруппы «животные» и «сосуды» имеют примерно одинаковую частотность. Не будем подробно анализировать лексические единицы этих подгрупп, однако отметим, что за счет употребления их лексических единиц создается всесторонний и наполненный образ. Так, например, в строках *Как средиземный краб или звезда морская, / Был выброшен водой последний материк* (Европа) образы морских животных актуализируют очертания, форму Европы, а в примере *Но, как медуза, невякая волна / Мне отвращенье легкое внушает* (Мне холодно) образ студенистого тела медузы ассоциируется с неприятными ощущениями человека.

Упоминания сосудов также помогают расширить и углубить символику образов, связанных с водной стихией, так как сосуд – это в первую очередьместилище для жидкости. Например, в строках *золотистого меда струя из бутылки*

текла (Золотистого меда струя) создается картина вытекающего меда из узкого горлышка бутылки, что делает образ более тягучим, растянутым во времени. Кроме того, сосуд – это форма, в зависимости от того, чем и как наполняется эта форма и наполняется ли вообще, образ ее помогает передать состояние мира. Приведем другие примеры, где обозначения сосудов дополняют образы воды: *стынет бочка с полными краями* (Умывался ночью на дворе); *как вода в новгородских колодцах должна быть черна и сладима* (Сохрани мою речь навсегда); *В игольчатых чумных бокалах / Мы пьем наваждение причин* (Восьмистишия). Мироощущение лирического героя передается через сенсорные ощущения, через ощущение наполненной жидкостью формы. Вода в этих контекстах – часть мира, ограниченная некой формой, которую он может ощутить и осмыслить.

Таким образом, использование названий животных связано у Манделштама прежде всего с сенсорными образами, чувственными ощущениями человека, в то время как названия сосудов репрезентуют ход времени, а также отражают состояние мира через ощущения лирического героя, которые связаны с сенсорным восприятием наполненной жидкостью емкости.

Твердое состояние

Лексические единицы подгруппы «твердое состояние» зачастую используются в оксюморонных оборотах, создавая противоречивую картину окружающего мира, показывая эмоциональное состояние лирического героя: *а на губах, как черный лед, горит* (Я слово позабыл, что я хотел сказать); *и горячий снег хрустит* (Чуть мерцает призрачная сцена). Как видно, основной функцией лексем данной подгруппы является изображение противоречивого, сумбурного состояния лирического героя или окружающего мира.

Парообразное состояние

В тематической подгруппе «парообразное состояние» ключевую позицию занимает лексема «туман». Туман – скопление воды в воздухе, пелена, мешающая четко рассмотреть окружающее пространство, соответственно, образ тумана создает атмосферу неясности, размытости контуров, отсутствия формы, нестабильности. В стихотворении «Образ твой мучительный и зыбкий» туман присутствует в начальных строках стихотворения, через него раскрывается неуловимость и неосвязаемость образа, что доставляет лирическому «я» дискомфорт, мучение: *образ твой мучительный и зыбкий / я не мог в тумане осязать*. Эта же лексема используется и в конце текста, демонстрируя ситуацию неопределенности, размытости будущего: *впереди густой туман*

клубится. В стихотворении «Скудный луч холодной мерою» туман становится признаком пустоты, вызывает эмоции растерянности, непонимания: *Как пустая башня белая, / Где туман и тишина...* «Туманностью» характеризуется и мир, и сам человек, что связывает их, делает лирического героя частью мироздания, сопричастным к мировому хаосу. Лексема «пар» не столь частотна, но основной функцией контекстов с этой лексической единицей также является демонстрация состояния неизвестности, зыбкости, отражение нечеткой картины окружающего пространства: *А на улице мигают плошки / И тяжёлый валит пар* (Чуть мерцает призрачная сцена).

Глубина

Подгруппа «глубина» представлена в лирике Мандельштама лексическими единицами *омут*, *глубина*, *пучина*. Водное пространство предстает как стихийное начало, неподвластное человеку и, возможно, губительное. Обратимся к словарным дефинициям слова «омут». В Большом толковом словаре оно толкуется в двух основных значениях: 1) глубокая яма на дне реки или озера; водоворот, быстрина, вымывающие на дне реки, озера яму; 2) обстановка, среда, которые затягивают человека и могут его нравственно погубить [Кузнецов 2000: 713]. Эти значения у Мандельштама употребляются синкретично. Омут предстает как стихийное начало, как часть изначального хаоса, отстраненная и бездушная стихия: *из омути злого и вязкого* (Из омути злого и вязкого), *в огромном омуте прозрачно и темно* (В огромном омуте прозрачно и темно). Так, Т. Ю. Никитина, исследуя мифологемы природных стихий в лирике Мандельштама, отмечает, что, с одной стороны, мандельштамовский лирический герой стремится преодолеть власть «родимого омути», его существование уподобляется противостоянию хаосу Вселенной паскалевско-тютчевского «мыслящего тростника», с другой стороны – глубина и непостижимость «омути» – «зеркала» завораживают человека, подчиняют себе, и тогда бытие человека становится балансированием «соломинки» между жизнью и смертью [Никитина 2000]. Углубить восприятие образа омути в качестве стихии-прародительницы помогают глаголы, характеризующие действия лирического героя: *и никну, никем не замеченный, / в холодный и толкий приют* (Из омути злого и вязкого); *и царствовал, и никнул Он, / как лилия в родимый омут* (Неумолимые слова); *в омут канут* (Стрекозы быстрыми кругами). Водная стихия, переданная через образ омути, порождает жизнь, и в эту же стихию происходит возврат в конце бытия. Кроме того, через образ омути поэт опять обращается к образу Петербурга: *в черном омуте столицы / столпник-ангел*

вознесен (Дворцовая площадь). Образы черного омути и черной же фигуры ангела окрашивают Петербург в монотонную темную гамму. Таким образом, лексема «омут» используется для обозначения первозданного хаоса, характеризующегося глобальностью, отстраненностью и непостижимостью.

Вода как стихия изначальная, могущественная и грандиозная передается также через лексему «пучина»: *по седым пучинам мировым* (Ни о чем не нужно говорить); *из пучины мировой* (Раковина). Пучина, ассоциируемая с водной бездной, характеризуется как «мировая», что придает этому образу глобальность. Посредством этой лексемы выражается масштабность изначального состояния мира, всеобъемлющий характер хаоса. Таким образом, для лирики Мандельштама характерна связь между водой-хаосом и водой-первоосновой, которая прослеживается в текстах разного периода. К тому же, как видно из представленных контекстов, образы глубокой воды усиливают смысл стихийного начала.

Влажные осадки

Лексические единицы подгруппы «влажные осадки» создают звуковую картину мира: *что на крыше дождь бормочет* (Что поют часы-кузнечик); *дробями дождь залепетал* (Московский дождик). Кроме этого, сочетание лексемы, обозначающей влажные осадки, с лексемой, называющей сосуд, передает ощущение мира лирическим героем: *Шло цепочкой в темноводье / Протяженных гроз ведро* (Шло цепочкой в темноводье).

Озера/пруды

Подгруппа «озера/пруды» является самой малочисленной. Озеро, как изображение стоячей воды, чаще всего указывает на отсутствие движения, замершее состояние: *над озером сонным* (Воздух пасмурный влажен и гулок). Вода в пруду характеризуется непрозрачностью, что отражает состояние неизвестности: *черный блеск пруда* (Стрекозы быстрыми кругами...).

Вода

Тематическая подгруппа «вода», хотя и является второй по частотности, не была рассмотрена выше, так как различные варианты лексемы «вода» в анализируемых контекстах, как правило, являются отсылкой к образу водоема и выполняют те же функции, что и лексические единицы соответствующих подгрупп. Так, например, строки *над аметистовой водой* (Меганом) являются отсылкой к морской тематике, создавая образ морского пространства, а в строках *и вздрагивает, тростниками, / чуть окаймленная, вода* (Стрекозы быстрыми кругами) эта лексема относится к образу пруда и отражает тревожное, неясное, нестабильное состояние мира.

Как можно заметить, в поэтических текстах Мандельштама использование лексики тематической группы «вода» чрезвычайно активно. Так, вода – это стихия, неподвластная человеку, хаос; и в то же время море, например, становится частью человеческой души, без которой человек ощущает опустошенность. Через образы различных водоемов репрезентуется как состояние мира, так и ощущения лирического героя. Лексика водной тематики в лирике Мандельштама также связана с категориями времени и пространства. Мутная, непрозрачная вода создает ощущение замершего пространства, тогда как движущаяся волна или буйная река характеризует ход времени, раскрывая образ исторической эпохи. При

этом лексические единицы различных подгрупп могут реализовывать одни и те же функции.

Взаимосвязь тематических подгрупп и функций

Функции разных тематических подгрупп тематической группы «вода» в лирике Мандельштама обобщены в табл. 2.

Как видно из табл. 2, практически во всех случаях лексика тематической подгруппы может выполнять не одну, а ряд функций, в то же время одна и та же функция может быть реализована лексикой разных подгрупп. Сеть соотношения тематических подгрупп и функций, выполняемых лексикой этих подгрупп, показана на рисунке.

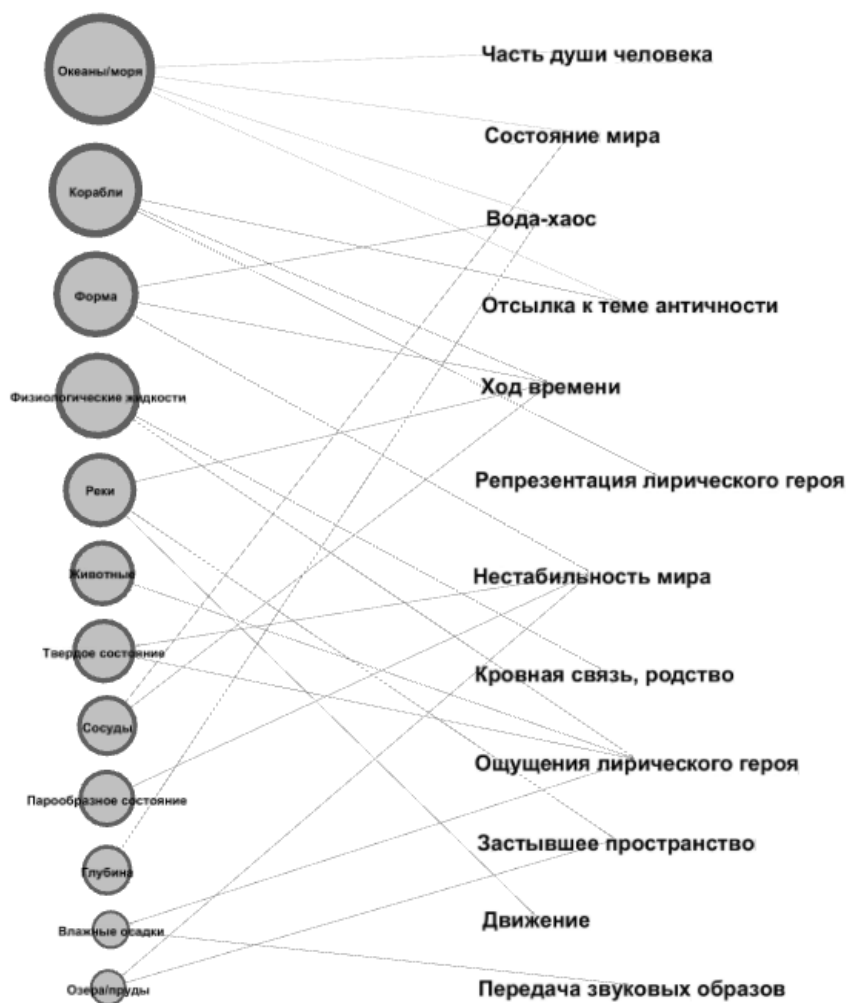
Таблица 2 / Table 2

Функции лексики тематической группы «вода» в лирике Мандельштама The functions of the vocabulary from the thematic group 'water' in Mandelstam's lyrics

Подгруппа-2	Функции
Океаны/моря	– отсылка к теме античности – отображение части души человека, символизирующий его связь со стихией, мирозданием – вода-хаос – состояние мира
Корабли	– изображение лирического героя, подчиняющегося стихии – отсылка к теме античности – ход времени
Форма	– вода-хаос – нестабильное состояние мира – ход времени
Реки	– ход времени – движение – застывшее пространство
Физиологические жидкости	– тревога – связь, родство
Животные	– ощущения лирического героя
Твердое состояние	– нестабильность мира – ощущения лирического героя
Сосуды	– состояние мира – ход времени
Парообразное состояние	– нестабильность мира
Глубина	– вода-хаос
Влажные осадки	– передача звуковых образов – ощущения лирического героя
Озера/пруды	– нестабильность мира – застывшее состояние пространства

Как можно заметить из табл. 2 и рисунка, в большинстве случаев за каждой подгруппой лексических единиц закреплен определенный набор функций, как правило, не более трех. Исключением является подгруппа «океаны/моря», лексика которой выполняет четыре функции, что объясняется наибольшим количеством кон-

текстов с использованием лексики данной подгруппы. Следует отметить, что чем более многочисленна подгруппа, тем большее количество функций связано с ее лексическими единицами, и наоборот. Менее частотные подгруппы лексики используются в текстах с одной-двумя функциями.

Сеть соотношения подгрупп лексики тематической группы «вода» и функций лексики этих подгрупп
A network correlating lexical subgroups of the thematic group 'water' and the functions of the vocabulary from these subgroups

Функции, которые выполняют единицы тематической группы «вода», могут реализовываться единицами разных подгрупп. Больше всего связей с тематическими подгруппами обнаруживается у функций описания хода времени, изображения нестабильного состояния мира, представления воды как первородной стихии-хаоса, отображения чувств и ощущений лирического героя (см. рисунок). Например: нестабильность состояния мира репрезентуется через лексические единицы подгрупп «форма», «твердое состояние», «парообразное состояние», «озера/пруды»; ход времени – через лексемы подгрупп «корабли», «форма», «реки», «сосуды»; вода как стихия и хаос – через лексику подгрупп «океаны/моря», «форма», «глубина» и т. д.

Связи между тематическими подгруппами лексики и функциями, которые они выполняют, показывают, с одной стороны, многофункциональность тематических подгрупп, а с другой – способность художественного образа наполнять-

ся и поддерживаться лексикой разных тематических групп. Так, например, описывая состояние мира, Мандельштам прибегает к лексемам тематических подгрупп «океаны/моря» и «сосуды»; использование лексики этих подгрупп показывает дуальность мира как стихии и способности вместить эту стихию в определенные рамки, «разлить» ее в разные формы, которые человек может принять и осмыслить. В то же время тематическая группа «океаны/моря» отсылает читателя к душе поэта, его внутреннему миру, его поэзии. Одновременная связь данной тематической группы через функцию описания состояния мира косвенно соотносит внутренний мир поэта с формой, с возможностью запечатлеть поэзию в определенных формах. Кроме того, эта тематическая подгруппа связана с функциями изображения воды как стихии-хаоса, а также отражения души человека: стихия оказывается неотъемлемой частью человеческой души, а человек в какой-то степени – «носителем» стихийного нача-

ла. Таким образом, через сеть связей разных тематических подгрупп и функций лексем, входящих в них, в лирике Мандельштама как в целом выстраиваются системы образов, основанных на лексике тематической группы «вода».

Интересно отметить, что даже такие тематические подгруппы, которые выполняют одну функцию, увязываются в общую сеть, будучи связаны через эту функцию с другими подгруппами.

Выводы

Образы с использованием лексики тематической группы «вода» в лирике Мандельштама часто выстраиваются на основе языковых символов, характерных для поэзии в целом, например на основе образов тумана, моря. Однако образы эти многослойные, глубокие, к тому же могут выполнять несколько функций в различных поэтических текстах.

В тематической группе «вода» в лирике Мандельштама выделяются подгруппы разных уровней иерархии: подгруппы первого уровня иерархии и более мелкие подгруппы второго уровня. Частота контекстов с использованием лексических единиц разных подгрупп, а также определенный в результате анализа набор их функций в тексте автора позволяют сделать вывод об их значимости. Было выявлено, что тематические подгруппы лексики первого уровня («состояние воды», «водоемы», «объекты») различаются по объему незначительно, а входящие в них подгруппы второго уровня существенно варьируются по частоте, при этом наиболее частотные тематические подгруппы второго уровня («океаны/моря», «корабли», «форма», «физиологические жидкости») распределены по всем трем выделенным тематическим подгруппам первого уровня. Эти наблюдения позволяют сделать вывод о том, что организация тематической структуры текста у Мандельштама опирается, скорее, на тематические подгруппы второго уровня и именно на этом уровне конкретизируются функции, выполняемые лексическими единицами тематических подгрупп.

Наиболее часто реализуемые функции лексики тематической группы «вода» – выражение ощущений лирического героя, отсылка к нестабильности мира и осмысление воды как стихии, как первородного хаоса. Эти функции реализуются с помощью лексики разных тематических подгрупп, но объединяет их подгруппа «форма», являющаяся важной для Мандельштама и показывающая противопоставление порядка и хаоса.

Лексика каждой тематической подгруппы обычно выполняет сразу несколько функций, и в то же время каждая функция может быть выра-

жена лексикой нескольких подгрупп. Таким образом, формируется сеть взаимосвязей тематических подгрупп и функций их лексических единиц, которая характеризует единую систему образов, относящихся к лексике тематической группы «вода».

Список литературы

Аверинцев С. С. Судьба и весть Осипа Мандельштама. Аверинцев и Мандельштам: статьи и материалы / под ред. Д. Н. Мамедовой. М.: Рос. гос. гуманитар. ун-т, 2011. 311 с.

Айчицек М. Репрезентация концепта вода во фразеологической картине мира (на материале русского, турецкого и английского языков): автореф. дис. ... канд. филол. наук. Уфа, 2012. 22 с.

Антонова М. К. Метафорическая интерпретация явлений интеллектуальной сферы как воды/жидкости // Вестник Томского государственного университета, 2012. № 356. С. 7–10.

Галдин Е. В. Концепт ВОДА как полевая структура и способы его выражения в русском языке (на материале поэтических текстов И.А. Бродского): автореф. дис. ... канд. филол. наук. Ставрополь, 2006. 16 с.

Гачев Г. Д. Национальные образы мира. М.: Сов. писатель, 1988. 448 с.

Гинзбург Л. Я. О лирике. Л.: Сов. писатель, 1974. 408 с.

Евзлин М. С. Космогония и ритуал. М.: Радикс, 1993. 344 с.

Жучкова А. В. Психопоэтический анализ стихотворения О. Мандельштама «Нашедший подкову» // Вестник Ленинградского государственного университета им. А. С. Пушкина. 2015. № 2. С. 29–40.

Кихней Л. Г., Бараханова Н. В. Эволюция городского текста в поэзии Осипа Мандельштама // Россия в мире: проблемы и перспективы развития международного сотрудничества в гуманитарной и социальной сфере: материалы XII Международ. науч.-практ. конф. / Пенз. гос. техн. ун-т. Пенза, 2022. С. 70–93.

Кихней Л. Г., Меркель Е. В. Осип Мандельштам: философия слова и поэтическая семантика. М.: Флинта, 2013. 200 с.

Кожин А. Н. Язык художественной литературы как эстетически стимулируемая форма существования литературного языка // Структура и функционирование поэтического текста: сб. ст. М.: Наука, 1985. С. 10–37.

Кузнецов С. А. Большой толковый словарь русского языка. СПб.: Норинт, 2000. 1536 с.

Маковский М. М. Сравнительный словарь мифологической символики в индоевропейских языках: Образ мира и миры образов. М.: Гуманит. изд. центр ВЛАДОС, 1996. 416 с.

Мандельштам Н. Я. Воспоминания. Вторая книга. Париж: YMCA-Press, 1983. 724 с.

Мандельштам О. Полное собрание стихотворений. СПб.: Академический проект, 1995. 720 с.

Мандельштам О. Собрание сочинений в 4 т. М.: Арт-Бизнес-Центр, 1993. Т. 1: Стихи и проза 1906–1921. 367 с.

Меженская Н. А. Тематические группы с наименованиями водной стихии в художественной прозе второй половины XX в. (на примере произведений В. Астафьева и В. Тендрякова) // Вестник Томского государственного университета. 2009. № 10. С. 214–219.

Морковкин В. В. Основные функции лексических единиц // Вестник РУДН. Серия: Вопросы образования: языки и специальность. 2007. № 1. С. 43–51.

Мочульский К. Э. О. Мандельштам / Записки Мандельштамовского общества. М.: Радикс, 1995. Т. 7: Мандельштам и античность. С. 7–11.

Никитина Т. Ю. Мифопоэтика О. Мандельштама 1908–1925 годов: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Тюмень, 2000. 23 с.

Нильссон Н. А. «Бессоница...» // Записки Мандельштамовского общества. Т. 7. Мандельштам и античность. М.: Радикс, 1995. С. 65–76.

Павлов М. С. О. Мандельштам: Цикл о воронежской жажде / Записки Мандельштамовского общества. М.: Радикс, 1995. Т. 7: Мандельштам и античность. С. 171–187.

Пишьябельский Р. Рим Осипа Мандельштама / Записки Мандельштамовского общества. М.: Радикс, 1995. Т. 7: Мандельштам и античность. С. 33–64.

Ронен О. Поэтика Осипа Мандельштама. СПб.: Гиперион, 2002. 240 с.

Сергодеев И. В. Поэтический текст как эстетическая система. Типы, уровни и функции поэтического текста (на материале англоязычной поэзии) // Мир науки. Социология, филология, культурология. 2020. Т. 11, № 1. URL: <https://sfk-mn.ru/PDF/06FLSK120.pdf> (дата обращения: 28.01.2024).

Скляревская Г. Н. Метафора в системе языка. СПб.: Наука, 1993. 151 с.

Фролова Л. В. Концепты первостихий (вода, воздух, земля, огонь) в романе М. М. Пришвина «Кашеева цепь»: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Орел, 2012. 23 с.

Элиаде М. Избранные сочинения. Очерки сравнительного религиоведения. М.: Ладомир, 1999. 488 с.

Dhont M. A spring of living waters in a pool of metaphors: The metaphorical landscape of 1QH^a 16:5-27 // HTS Theological Studies. 2021. Vol. 77 (1). P 1–7.

Fenno J. A Great Wave against the Stream: Water Imagery in Iliadic Battle Scenes // The American Journal of Philology. 2005. Vol. 126(4). P. 475–504.

Leiter S. Mandelštam's Petersburg: Early Poems of the City Dweller // The Slavic and East European Journal. 1978. Vol. 22(4). P. 473–483.

Mel'čuk, Igor & Jasmina Miličević. An Advanced Introduction to Semantics. A MeaningText Approach. Cambridge: Cambridge University Press, 2020. 300 p.

Mittelfehldt P. J. Writing the Waves, Sounding the Depths: Water as Metaphor and Muse // Interdisciplinary Studies in Literature and Environment. 2003. Vol. 10(1). P. 137–142.

Terras V. Classical Motives in the Poetry of Osip Mandel'shtam // The Slavic and East European Journal. 1966. Vol. 10 (3). P. 251–267.

Witzel M. Water in Mythology // Daedalus. 2015. Vol. 144(3). P. 18–26.

Ziolkowski M. Rivers in Russian Literature. L.: Eurospan, 2020. 288 p.

References

Averintsev S. S. *Sud'ba i vest' Osipa Mandel'shtama. Averintsev i Mandel'shtam: Stat'i i materialy* [The Fate and the News of Osip Mandelstam. Averintsev and Mandelstam: Articles and materials]. Ed. by D. N. Mamedova. Moscow, Russian State University for the Humanities Press, 2011. 311 p. (In Russ.)

Aychichek M. *Reprezentatsiya kontsepta voda vo frazeologicheskoy kartine mira (na materiale russkogo, turetskogo i angliyskogo yazykov)*. Avtoreferat kand. filol. nauk [Representation of the concept of water in the phraseological picture of the world (based on the material of the Russian, Turkish and English languages). Abstract of Cand. philol. sci. diss.]. Ufa, 2012. 22 p. (In Russ.)

Antonova M. K. *Metaforicheskaya interpretatsiya yavleniy intellektual'noy sfery kak vody / zhidkosti* [Metaphorical interpretation of intellectual phenomena as water / liquid]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta* [Tomsk State University Journal], 2012, issue 356, pp. 7–10. (In Russ.)

Galdin E. V. *Kontsept VODA kak polevaya struktura i sposoby ego vyrazheniya v russkom yazyke (na materiale poeticheskikh tekstov I. A. Brodskogo)*. Avtoreferat kand. filol. nauk [The concept of WATER as a field structure and ways of its expression in the Russian language (based on the material of I. A. Brodsky's poetic texts). Abstract of Cand. philol. sci. diss.]. Stavropol, 2006. 16 p. (In Russ.)

Gachev G. D. *Natsional'nye obrazy mira* [National Images of the World]. Moscow, Sovetskiy pisatel' Publ., 1988. 448 p. (In Russ.)

Ginzburg L. Ya. *O lirike* [About Lyrics]. Leningrad, Sovetskiy pisatel' Publ., 1974. 408 p. (In Russ.)

Evzlin M. S. *Kosmogoniya i ritual* [Cosmogony and Ritual]. Moscow, Radiks Publ., 1993. 344 p. (In Russ.)

Zhuchkova A. V. Psikhopoeticheskiy analiz stikhotvoreniya O. Mandel'shtama 'Nashedshiy podkovu' [Psychopoetic analysis of O. Mandelstam's poem 'The Horseshoe Finder']. *Vestnik Leningradskogo gosudarstvennogo universiteta im. A. S. Pushkina* [Pushkin Leningrad State University Journal], 2015, issue 2, pp. 29–40. (In Russ.)

Kikhney L. G., Barakhanova N. V. Evolyutsiya gorodskogo teksta v poezii Osipa Mandel'shtama [The evolution of urban text in the poetry of Osip Mandelstam]. *Rossiya v mire: problemy i perspektivy razvitiya mezhdunarodnogo sotrudnichestva v gumanitarnoy i sotsial'noy sfere* [Russia in the World: Problems and Prospects for the Development of International Cooperation in the Humanitarian and Social Sphere]: Proceedings of the 12th International Scientific Practical Conference. Moscow, Penza, Penza State Technological University Press, 2022, pp. 70–93. (In Russ.)

Kikhney L. G., Merkel' E. V. *Osip Mandel'shtam: filosofiya slova i poeticheskaya semantika* [Osip Mandelstam: Philosophy of the Word and Poetic Semantics]: a monograph. Moscow, Flinta Publ., 2013. 200 p. (In Russ.)

Kozhin A. N. Yazyk khudozhestvennoy literatury kak esteticheski stimuliruemaya forma sushchestvovaniya literaturnogo yazyka [The language of fiction as an aesthetically stimulated form of the existence of literary language]. *Struktura i funktsionirovanie poeticheskogo teksta* [The Structure and Functioning of Poetic Text]: a collection of articles. Moscow, Nauka Publ., 1985, pp. 10–37. (In Russ.)

Kuznetsov S. A. *Bol'shoy tolkovyy slovar' russkogo yazyka* [The Large Explanatory Dictionary of the Russian Language]. St. Petersburg, Norint Publ., 2000. 1536 p. (In Russ.)

Makovskiy M. M. *Sravnitel'nyy slovar' mifologicheskoy simboliki v indoevropeyskikh yazykakh: Obraz mira i miry obrazov* [Comparative Dictionary of Mythological Symbolism in Indo-European Languages: The Image of the World and the Worlds of Images]. Moscow, VLADOS Publ., 1996. 416 p. (In Russ.)

Mandelstam N. Ya. *Vospominaniya. Vtoraya kniga* [Memories. The second book]. Paris, YMCA-Press, 1983. 724 p. (In Russ.)

Mandelstam O. *Polnoe sobranie stikhotvoreniy* [The Complete Collection of Poems]. St. Petersburg, Akademicheskii proekt Publ., 1995. 720 p. (In Russ.)

Mandelstam O. *Sobranie sochineniy v 4 t.* [Collected works in 4 vols.]. Moscow, Art Business Center Publ., 1993, vol. 1. *Stikhi i proza 1906 – 1921* [Poems and prose 1906–1921]. 367 p. (In Russ.)

Mezhenskaya N. A. *Tematicheskie gruppy s naimenovaniyami vodnoy stikhii v khudozhestvennoy proze vtoroy poloviny XX v. (na primere proizvedeniy V. Astaf'eva i V. Tendryakova)* [Thematic groups with names of the water element in the fiction of the second half of the 20th century (through the example of the works of V. Astafiev and V. Tendryakov)]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta* [Tomsk State University Journal], 2009, vol. 10, pp. 214–219. (In Russ.)

Morkovkin V. V. Osnovnye funktsii leksicheskikh edinits [The main functions of lexical units]. *Vestnik RUDN. Seriya: Voprosy obrazovaniya: yazyki i spetsial'nost'* [Bulletin of Russian Peoples' Friendship University. Series Problems of education: languages and speciality], 2007, vol. 1, pp. 43–51. (In Russ.)

Mochul'skiy K. E. O. Mandel'shtam [O. Mandelstam]. *Zapiski Mandel'shtamovskogo obshchestva* [Notes of the Mandelstam Society]. Moscow, Radiks Publ., 1995, vol. 7. *Mandel'shtam i antichnost'* [Mandelstam and Antiquity], pp. 7–11. (In Russ.)

Nikitina T. Yu. *Mifopoetika O. Mandel'shtama 1908–1925 godov*. Avtoreferat kand. filol. nauk [The mythopoetics of O. Mandelstam of 1908–1925. Abstract of Cand. philol. sci. diss.]. Tyumen, 2000. 23 p. (In Russ.)

Nilsson N. A. 'Bessonitsa...' [Insomnia]. *Zapiski Mandel'shtamovskogo obshchestva* [Notes of the Mandelstam Society]. Moscow, Radiks Publ., 1995, vol. 7, pp. 65–6. (In Russ.)

Pavlov M. S. O. Mandel'shtam: Tsikl o voronezhskoy zhazhde [O. Mandelstam: A cycle about the Voronezh thirst]. *Zapiski Mandel'shtamovskogo obshchestva* [Notes of the Mandelstam Society]. Moscow, Radiks Publ., 1995, vol. 7. *Mandel'shtam i antichnost'* [Mandelstam and Antiquity], pp. 171–187. (In Russ.)

Pshybyl'skiy R. Rim Osipa Mandel'shtama [Osip Mandelstam's Rome]. *Zapiski Mandel'shtamovskogo obshchestva* [Notes of the Mandelstam Society]. Moscow, Radiks Publ., 1995, vol. 7. *Mandel'shtam i antichnost'* [Mandelstam and Antiquity], pp. 33–64. (In Russ.)

Ronen O. *Poetika Osipa Mandel'shtama* [The Poetics of Osip Mandelstam]. St. Petersburg, Hyperion Publ., 2002. 240 p. (In Russ.)

Sergodeev I. V. Poeticheskiy tekst kak etikoesteticheskaya sistema. Tipy, urovni i funktsii poeticheskogo teksta [Poetic text as an ethical and aesthetic system. Types, levels and functions of a poetic text (exemplified by English poetry)]. *Mir nauki. Sotsiologiya, filologiya, kul'turologiya* [World of Science. Series: Sociology, Philology, Cultural Studies], 2020, vol. 11, issue 1. Available at: <https://sfk-mn.ru/PDF/06FLSK120.pdf> (accessed 28 Jan 2024). (In Russ.)

- Skiyarevskaya G. N. *Metafora v sisteme yazyka* [Metaphor in the Language System]. St. Petersburg, Nauka Publ., 1993. 151 p. (In Russ.)
- Frolova L. V. *Kontsepty pervostikhiy (voda, vozdukh, zemlya, ogon') v romane M. M. Prishvina 'Kashcheeva tsep'*. Avtoreferat kand. filol. nauk [The concepts of the primary elements (water, air, earth, fire) in the novel by M. M. Prishvin 'Kashchei's Chain']. Abstract of Cand. philol. sci. diss.]. Oryol, 2012. 23 p. (In Russ.)
- Eliade M. *Izbrannye sochineniya. Ocherki sravnitel'nogo religiovedeniya* [Selected Works. Essays on Comparative Religious Studies]. Moscow, Ladomir Publ., 1999. 488 p. (In Russ.)
- Dhont M. A spring of living waters in a pool of metaphors: The metaphorical landscape of 1QH^a 16:5-27. *HTS Theological Studies*, 2021, vol. 77(1), pp. 1–7. (In Eng.)
- Fenno J. A great wave against the stream: Water imagery in Iliadic battle scenes. *The American Journal of Philology*, 2005, vol. 126(4), pp. 475–504. (In Eng.)
- Leiter S. Mandel'stam's Petersburg: Early poems of the city dweller. *The Slavic and East European Journal*, 1978, vol. 22(4), pp. 473–483. (In Eng.)
- Mel'čuk, Igor & Jasmina Milićević. *An Advanced Introduction to Semantics. A Meaning-Text Approach*. Cambridge, Cambridge University Press, 2020. 300 p. (In Eng.)
- Mittlefehldt P. J. Writing the waves, sounding the depths: Water as metaphor and muse. *Interdisciplinary Studies in Literature and Environment*, 2003, vol. 10(1), pp. 137–142. (In Eng.)
- Terras V. Classical motives in the poetry of Osip Mandel'stam. *The Slavic and East European Journal*, 1966, vol. 10(3), pp. 251–267. (In Eng.)
- Witzel M. Water in mythology. *Daedalus*. 2015, vol. 144 (3), pp. 18–26. (In Eng.)
- Ziolkowski M. *Rivers in Russian Literature*. London, Eurospan, 2020. 288 p. (In Eng.)

The Functions of the Tokens of the Thematic Group 'Water' in the Lyrics of Mandelstam

Mariia A. Dukhnova

Senior Lecturer in the Department of Theoretical and Applied Linguistics

Perm State University

15, Bukireva st., Perm, 614068, Russian Federation. mariyafei@gmail.com

SPIN-code: 7470-3463

ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-6788-1832>

ResearcherID: JFB-5374-2023

Elena V. Erofeeva

Head of the Department of Theoretical and Applied Linguistics

Perm State University

15, Bukireva st., Perm, 614068, Russian Federation. elenerofee@gmail.com

SPIN-code: 4653-7454

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-6659-6519>

ResearcherID: Q-3940-2017

Submitted 13 Feb 2024

Revised 3 Apr 2024

Accepted 15 May 2024

For citation

Dukhnova M. A., Erofeeva E. V. Funktsii leksem tematicheskoy gruppy «voda» v lirike Mandel'shtama [The Functions of the Tokens of the Thematic Group 'Water' in the Lyrics of Mandelstam]. *Vestnik Permskogo universiteta. Rossiyskaya i zarubezhnaya filologiya* [Perm University Herald. Russian and Foreign Philology], 2024, vol. 16, issue 3, pp. 35–49. doi 10.17072/2073-6681-2024-3-35-49 (In Russ.)

Abstract. The paper describes lexical units related to the hydrological subjects in Mandelstam's lyrics. The image of water and its perception by the language speakers and culture bearers occupies an important place in the worldviews, and its study in works of art helps to reveal and broaden the author's outlook. The paper analyzes the main sources of metaphors; the focus is on the analysis of nouns as the main sources of metaphors with images of water. The material for the study included 120 poems written by Mandelstam in different periods of his creative life. From these, by continuous sampling, were selected 318 contexts containing vocabulary that names water, its properties and forms, etc., as well as objects associated with water, such as ships, vessels, marine animals. In the course of the study, thematic subgroups of such vocabulary in Mandelstam's poetic works were identified and the qualitative functions of the lexical units of these subgroups were analyzed. The functions of lexical units are understood in the paper as indirect meanings that are expressed associatively in the text and help to reveal the multilayering and the deep meaning behind the author's image. In the course of the work, lexical subgroups of two levels of hierarchy were determined; it is shown that the functions of lexical units are manifested and specified at the second, lower, level. The most active in Mandelstam's lyrics are lexemes of the thematic subgroups 'oceans/seas', 'ships', 'form', 'physiological fluids'. The most frequently realized functions of the vocabulary of the thematic group 'water' are the expression of the lyrical hero's feelings, reference to the instability of the world, and the understanding of water as an element, as primordial chaos. These functions are implemented using the vocabulary of different thematic subgroups, but they are united by the subgroup 'form', which is important for Mandelstam and shows the opposition between order and chaos. The vocabulary of each thematic subgroup usually performs several functions at once, while at the same time each function can be expressed by vocabulary of several subgroups. Thus, there is formed a network of interrelations of the thematic subgroups and the functions of their lexical units, which characterizes a single system of images related to the vocabulary of the thematic group 'water'.

Key words: poetic text; Mandelstam; vocabulary; thematic group 'water'; thematic subgroups; functions.